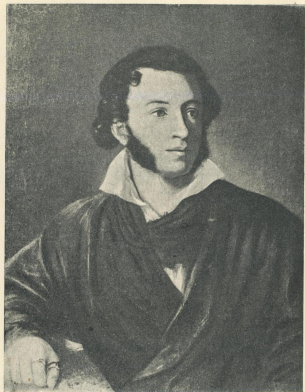

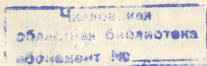
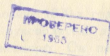
8P1(092)
570

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Г. БЛОК

ПУШКИН
В РАБОТЕ НАД
ИСТОРИЧЕСКИМИ
ИСТОЧНИКАМИ

1972/9

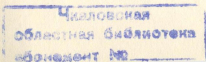

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-1949-ЛЕНИНГРАД

что эти выводы построены не на двух-трех наблюдениях, а на большом количестве кропотливых изысканий.

Нас обязывает в этом отношении пример самого Пушкина: его исследовательская работа поражает прежде всего суровой требовательностью к себе, подлинно научной скрупулезностью. Терпеливо пройти вслед за ним по всем мелким этапам его черновой, усерднейшей, громадной по объему работы — значит дополнить представление о Пушкине-историке новой и немаловажной чертой.

С величайшей признательностью вспоминаю то полезнейшее содействие, какое я встретил со стороны наших превосходно поставленных архивных учреждений и библиотек, столичных и областных. Особенно деятельную помощь оказала мне Научная библиотека Саратовского Государственного университета. Приношу глубокую благодарность директору этого образцового книгохранилища В. А. Артисевич и ее сотрудницам Ю. А. Кузнецовой, М. В. Симбирцевой, В. С. Логиновой, А. М. Либерман, А. Ф. Протяновой и З. Н. Дементьевой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЗНАЧЕНИЕ ЦИТАТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПУШКИНА

ВВЕДЕНИЕ

Достоинства Карамзина как историка заключались, по мнению Пушкина, «в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий».¹

Те же задачи ставил себе, конечно, и Пушкин, приступая к работе над «Историей Пугачева», причем «со стороны слога», по выражению Белинского, «вполне достиг того, к чему Карамзин только стремился».² Нет сомнения, однако, что способы «изыскания истины» и средства «изображения событий» найдены были другие. Дело шло не о «произведении гармонического пера», — как оценивал Пушкин «Историю Государства Российского», — а о чем-то совсем ином, несравненно более сложном.

Принимаясь за свою «Историю», Пушкин, — насколько можно судить по результатам, — не хотел отрешаться от тех навыков, какими наделил его беллетристический опыт, к тому времени уже значительный. Напротив: намерение его состояло, повидимому, в том, чтобы в обязанности ученого вступить во всеоружии прав художника и чтобы применить эти права не только в области «изображения событий», но и в области «изыскания истины».

¹ А. Пушкин, Сочинения. Однотомник. Л., 1937, стр. 697.

² В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Л., 1937, стр. 553.

I

СТИЛЬ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

Если анализ одной главы «Пиковой дамы» может дать достаточно верное представление о стиле всей повести, если в «Барышне-крестьянке» трудно отыскать какие-нибудь существенные стилистические отличия от «Станционного смотрителя» или «Мятеля», — то по одному отрывку «Истории Пугачева», откуда бы его ни взять, никак нельзя произнести общего суждения об ее стиле в целом.

Валовой подсчет отдельных явлений стиля даст и здесь обычные для Пушкина итоги: преобладание глаголов и существительных над прилагательными и наречиями, обилие коротких предложений, почти полное отсутствие метафор, большое количество собственных имен при малом числе местоимений, и т. д.

Однако в размещении этих характерных для пушкинской прозы признаков наблюдается здесь такая неравномерность, что итоги подобного сквозного подсчета теряют как будто, значение. Рубленые фразы, состоящие из трех, четырех, пяти слов, то располагаются обширными гнездами, то чередуются с пространными, иногда довольно сложно построенными предложениями, то надолго уступают им место. Встречаются длинные отрезки текста, где на протяжении двух-трех страниц не оказывается

Работа Пушкина осложнялась тем, что пугачевское движение было эпизодом новейшей истории, тесно связанным с современностью. Тем самым отказ от оценки событий был для Пушкина исключен. Обойтись без «направления повествования к какой-нибудь известной цели» было немыслимо и с точки зрения Пушкина и с точки зрения правительства. Но «известная цель» у Пушкина была одна, а у правительства другая. Таким образом, «размышления», которыми предстояло снабдить «Историю Пугачева», никак не укладывались в рамки той «иноческой простоты», какую Пушкин приписывал Карамзину.

На этом не кончались еще все трудности. Помимо того, что одним из главных персонажей задуманной «Истории» была родная бабка пушкинского цензора, Екатерина II, среди действующих лиц «сего кровавого и любопытного эпизода» оказывались люди, с чьими детьми и внуками Пушкин то и дело встречался в обществе.

Наконец, сам Пушкин добровольно усложнил свой замысел тем, что решил ввести в число этих действующих лиц ряд русских писателей, мертвых и живых.

Итак, научные задачи переплетались с задачами художественными и публицистическими. И те, и другие, и третьи приходилось разрешать с оглядкой не только на цензуру, но еще и на личные отношения, светские и литературные. Встреча с читателем, предстоявшая Пушкину [на новом для него историческом поприще, не имела ничего общего с тем открытым боем, каким были его предыдущие прозаические опыты.

Этой сложностью творческой обстановки определяются многие стилистические особенности «Истории Пугачева».

I

СТИЛЬ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

Если анализ одной главы «Пиковой дамы» может дать достаточно верное представление о стиле всей повести, если в «Барышне-крестьянке» трудно отыскать какие-нибудь существенные стилистические отличия от «Станционного смотрителя» или «Мятеля», — то по одному отрывку «Истории Пугачева», откуда бы его ни взять, никак нельзя произнести общего суждения об ее стиле в целом.

Валовой подсчет отдельных явлений стиля даст и здесь обычные для Пушкина итоги: преобладание глаголов и существительных над прилагательными и наречиями, обилие коротких предложений, почти полное отсутствие метафор, большое количество собственных имен при малом числе местоимений, и т. д.

Однако в размещении этих характерных для пушкинской прозы признаков наблюдается здесь такая неравномерность, что итоги подобного сквозного подсчета теряют как будто, значение. Рубленые фразы, состоящие из трех, четырех, пяти слов, то располагаются обширными гнездами, то чередуются с пространными, иногда довольно сложно построенными предложениями, то надолго уступают им место. Встречаются длинные отрезки текста, где на протяжении двух-трех страниц не оказывается

почти ни одного качественного определения, а наряду с этим попадают куски, где в пределах нескольких строк уместено более десятка таких определений. Подчеркнуто-сухая, отрывистая речь сменяется приподнятым, торжественным тоном. Деловые перечисления, местами даже разбитые по-канцелярски на пронумерованные пункты, оказываются в соседстве с напевным строем «народного красноречия».

Было бы, разумеется, большой ошибкой рассматривать все это как случайность, как неряшество или как неудачу. Есть основание думать, что Пушкин произвел в данном случае некий новый стилистический опыт.

Суть этого опыта станет нам ясна, если мы взглянем в работу Пушкина над цитатами.

II ЯВНЫЕ ЦИТАТЫ

В исторической прозе, научной и художественной цитата имеет обычно двойное назначение. Она служит либо для того, чтобы подкрепить то или иное утверждение автора чьим-то чужим свидетельством, приводимым для большей убедительности дословно (цитаты ссылочные), либо для того, чтобы украсить повествование образом того языка, каким говорили или писали в изображаемое автором время, и дать тем самым более наглядное представление о том, что принято называть «колоритом эпохи» (цитаты иллюстративные).

В последнем случае традиционным является несколько ироническое отношение автора к языку источника, причем предметом такой иронии чаще всего оказываются слова, которые с течением времени приобрели иной смысл («пошлый купец», «прелестные письма», «очарованный странник», «бывый прохвост», «восковая персона», «изумленный капитан» и т. п.). Дальше этого задачи цитат, в большинстве случаев, не идут.

Проглядывая цитаты, введенные в основной текст «Истории Пугачева», нетрудно обнаружить обе вышеуказанные их разновидности. Но сразу же бросается в глаза преобладание иллюстративных цитат. Сюда относятся все многочисленные реплики и словечки самого Пугачева

(стр. 15, 18, 21, 25, 27, 35, 45, 66, 75, 77, 78, 80) и его сподвижников (стр. 19, 27), выдержки из воззвания Рейнсдорпа (стр. 23), из письма Нурали-хана (стр. 17), из рапорта офицеров Курмышской инвалидной команды (стр. 70) и т. д. Что же касается ссылочных цитат, то к их числу можно отнести разве только отрывки из рапорта генерала Кара (стр. 29), да из писем Вольтера и Екатерины (стр. 40).¹

Из числа иллюстративных цитат лишь одна носит упомянутый выше каламбурно-иронический характер: это приведенные Пушкиным слова Рычкова о «подлом духе» или «подлости» Пугачева (стр. 78 и 355). В устах Рычкова, как и в официальных актах его времени, прилагательное «подлый» отнюдь не имело того оскорбительного, бранного смысла, какой придан был ему впоследствии в дворянском обиходе.²

Следует отметить тут же, что, цитируя чужую речь, Пушкин здесь, как впрочем и всегда, был далек от педантической точности. В пределах основного текста «Истории Пугачева» дословная передача цитируемого материала встречается лишь как редкое исключение. Не останавливаясь пока на причинах этого явления, о которых речь будет ниже, можно констатировать, что Пушкин считал

¹ Иное назначение имеют пространные цитаты, вынесенные Пушкиным в отдел «примечаний». Все они за очень малыми исключениями являются экскурсами по вопросам, имеющим лишь косвенное отношение к основной теме «Истории».

² Ср.: А. Романович-Славатинский. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Спб., 1870, стр. 73.— М. Н. Волковский, сообщая свои впечатления от свидания с первой женой Пугачева, выражается так: «Жена его человек слабый, подлый и, видно, тихий» («Русский вестник», 1869, т. 81, стр. 162). У В. Н. Татищева читаем: «Собрав всех бояр, дворовых служителей и подлости немалое войско...» (История Российская. Ки. III. М., 1774, стр. 221).

необходимым подвергать чужой текст известной стилистической правке, иногда весьма значительной.

Этой участи не избежали не только второстепенные документы, вроде упомянутого выше рапорта Кара¹, но даже и такие ответственные тексты, как письма Екатерины², воспоминания И. И. Дмитриева³ и стихи Державина.⁴

В письме Бибикова к Фонвизину, которое Пушкин приводит в приложениях полностью, читаем: «Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование. А Пугачев чучела, которою воры Яицкие казаки играют» (стр. 201). Цитируя этот отрывок в основном тексте «Истории Пугачева», Пушкин перестраивает его так: «Пугачев не что иное, как чучело, которым играют воры Яицкие казаки; не Пугачев важен, важно общее негодование» (стр. 45).

¹ В типографском экземпляре рукописи цитата была точна, но затем, очевидно, уже в процессе корректурной правки, Пушкин изменил «что» на «чтобы» (стр. 29 и 422; ср. Записки Академии Наук. Прил. к т. I, № 4, СПб., 1862, стр. 22).

² У Пушкина: «...Le second s'expose à chaque instant» (стр. 40); в подлиннике: «...L'autre s'expose à chaque instant...» (Oeuvres complètes de Voltaire, t. XL. Paris, 1818, p. 707). У Пушкина: «Des cruautés qu'ils commettaient» (стр. 146); в подлиннике: «Des cruautés qu'il commettoit» (Voltaire, p. 712). У Пушкина: «...En sa prison» (стр. 147); в подлиннике: «...Dans sa prison...» (Voltaire, p. 716).

³ У Пушкина: «...Необыкновенной высоты сани» (стр. 147); в подлиннике: «...Необыкновенной величины сани...» (И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, ч. I, кн. I, стр. 28). У Пушкина: «...В чертах лица его...» (стр. 148); в подлиннике: «...В лице его...» (Дмитриев, op. cit., стр. 28). У Пушкина: «...Между тем, как сподвижник его...» (стр. 148); в подлиннике: «...Между тем сподвижник его...» (Дмитриев, op. cit., стр. 29).

⁴ У Пушкина: «...Искусный вожь во брани...правды друг» (стр. 112); в подлиннике: «...Искусный вожь во бранях...правде друг...» (Сочинения Державина ч. I. СПб., 1808, стр. 252; то же в издании 1831 г., ч. II, стр. 122).

Если мы заглянем в типографскую рукопись, то увидим, что там переработка бибиковского текста была еще серьезнее: слово «чучело» заменено было словом «кукла» (стр. 426).

Рассказывая о том, как саранского архимандрита Александра нарядили в мужицкий армяк, Пушкин отмечает, что Павел Потемкин сделал это «для большего эффекта», и выделяет эти три слова курсивом, как цитату (стр. 375). Это и впрямь цитата, но измененная столь существенно, что отыскать ее источник не так-то просто. Оказывается, что так пересказаны следующие слова Платона Любарского: «для большего народу знать-внушения его проступка».¹

По сведениям Феррана, в лагере Пугачева «водка продавалась на его счет» («pour son compte», стр. 792). Пушкин пишет: «Вино продавалось от казны» (стр. 26) и последние два слова выделяет курсивом, в качестве цитаты.

Михаил Кожевников, сообщая в своем показании о стратегических намерениях Пугачева, говорит, что «он с войском следовать будет в Русь» (стр. 694). Пушкин, цитируя это показание, заменяет глагол «следовать» глаголом «броситься» (стр. 15).

В передаче гренадера Ахлестина распоряжение майора Заева, отданное пленным полякам, звучит так: «Оставайтесь здесь и защищайте крепость» (стр. 697—698).²

¹ Письмо П. Любарского к Н. Н. Бantyш-Каменскому от 16 октября 1774 г. (Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884, т. III, стр. 123). В материалах Пушкина не сохранилось ни копии, ни конспекта этого письма. В черновой рукописи Пушкина, вместо слов «для большего эффекта», читаем: «для примера» (стр. 479).

² Ср. А. И. Дмитриев-Мамонов. Пугачевщина в Сибири. М., 1898, стр. 25. В выдержке из показания Ахлестина Пушкин написал сперва: «Защищайтесь», но затем переправил на: «защищайте крепость» (стр. 698).

У Пушкина оно цитируется несколько иначе: «Оставайтесь здесь и защищайтесь» (стр. 35).

Нурали-хан пишет Рейнсдорпу: «Мы, на степи находящиеся люди, не знаем, сей ездящий вор ли? или реченный государь сам?» (стр. 197). Пушкин не удовлетворен этим текстом, принадлежащим, в сущности, оренбургскому переводчику Артамону Ишакову (стр. 462), и передает слова киргиз-кайсацкого «владельца» по-своему: «Мы, люди, живущие на степях, не знаем, кто сей, развезжающий по берегу: обманщик ли, или настоящий государь?» (стр. 17).

Екатерина, приказав разорить жену и детей Пугачева, сжечь их дом, арестовать их и отправить в Казанский острог, не могла и тут не прикрыться личиной человеколюбия: она распорядилась, чтобы все это было произведено «без оказания им наималейшего огорчения» (стр. 781). У Пушкина эти слова переданы так: «безо всякого оскорбления» (стр. 40).

Таких примеров можно привести множество. Полезно отметить, что неточности в передаче чужой речи объясняются в данном случае не рассеянностью Пушкина и не ошибками его памяти. Из приведенных образцов видно, что рукописи Пушкина хранят следы сознательной правки цитируемых текстов. Эта правка начиналась иногда еще в процессе конспектирования архивных документов. Так было, в частности, с упомянутым письмом Нурали-хана: вместо «реченный государь сам», Пушкин записывает: «настоящий государь» (стр. 774). Что касается предположения, будто Пушкин цитировал иной раз архивные документы на память, то эта, совершенно произвольная «гипотеза», высказанная в свое время Н. Н. Фирсовым,¹

¹ Пушкин, под ред. С. А. Венгера. Изд. Брокгауз-Ефрон т. VI, П., 1915, стр. 252 (см. выше, стр. 42). Пушкин излагал на память только некоторые устные предания.

должна быть отброшена: у нас будет еще много случаев убедиться в том, что, работая над «Историей Пугачева», Пушкин неизменно держал перед глазами выписки из документов, которыми пользовался. Более того, мы увидим, что словесная ткань изучаемого источника имела для Пушкина во всяком случае не меньшее значение, чем содержание этого источника. И если он вносил в эту ткань те или иные изменения, то не только не усматривал в этом ничего предосудительного, подлежащего утайке от читателя, а, напротив, делал это совершенно открыто, публикуя иногда, наряду с измененной выдержкой из документа, и весь документ *in extenso*, без всяких изменений.¹

Эти наблюдения приобретут иной смысл и дадут больший материал для выводов, если от беглого обозрения явных цитат, то есть того, что набрано у Пушкина курсивом или заключено в кавычки, мы перейдем к изучению таких цитат, которые, в отличие от первых, мы назовем скрытыми.

¹ Так обстояло дело с целым рядом писем Библикова, в частности и с письмом к Фонвизину, с письмом Нурали-хана к Рейнсдорпу, и т. д.

III СКРЫТЫЕ ЦИТАТЫ

Это наименование требует оговорки: оно условно. Пушкин не имел, разумеется, никаких оснований выдавать чужие слова за свои и скрывать близость своего текста к тексту источников, хотя бы потому, что подобная близость является не пороком, а одним из главнейших достоинств исторического изложения. Эта истина была для Пушкина так же бесспорна, как и для нас. Когда рецензент болгаринского журнала упрекнул его в обилии и пространности цитат из книги А. И. Левшина, Пушкин ответил на это так: «Я не видел никакой нужды пересказывать по-своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-ном Левшиным» (стр. 380).

Итак, если не все словесные заимствования из источников выделены Пушкиным теми способами, какие применял он для обозначения цитат, то объясняется это, очевидно, только двумя причинами: во-первых, нежеланием утомлять читателя чрезмерной пестротой типографского набора, а во-вторых, тем, что переработка чужого текста шла в некоторых случаях еще дальше, чем в тех образцах, какие приведены выше.

Нельзя требовать от Пушкина, чтобы, цитируя источники, он придерживался обычаев, установленных исторической наукой только в наши дни, а в его время еще не

утвердившихся. Довольно и того, что он и в этом отношении опередил свой век: и в смысле выделения цитат и в смысле ссылок на источники Пушкин проявил несравненно большую щепетильность, чем такие, например, западно-европейские его современники, как Тьерри, Гизо и Тьер.

Приводить все скрытые цитаты нет возможности: их слишком много.

Достаточно ограничиться наиболее характерными в разных отношениях образцами, разбив их по группам источников.

ТЕКСТ ИСТОЧНИКОВ¹

ТЕКСТ ПУШКИНА

А. Показания рядовых очевидцев

1) А дабы прежде время
никуда о сем известия подано не
было — учредит заставы, ...

... И учредить заставы по
всем дорогам, дабы никуда пре-
ждевременно не дошло о нем
известия ...

2) ... И в прочих местах учре-
дить судей других, в рассужде-
нии что-де в нынешних присмот-
рена им многая неправда, ...

... Повсюду поставить новых
судей (ибо в нынешних, по его
словам, присмотрена им многая
неправда) ...

(Показания яицкого казака М. А.
Кожевникова, стр. 694).

(Стр. 13).

3) 19го самозванец прибли-
зился, но при виде команды стал
мало помалу отступать, ...

На другой день Пугачев при-
ближился к городу; но при виде
выходящего противу него войска
стал отступать ...

(Показания яицкого казака Г. Си-
гельникова, стр. 700).

(Стр. 16).

4) А у Хлоп.[уши] поздри
рванные до хрящей.

... С поздрями, вырванными
до хрящей, ...

¹ Эти тексты (за исключением немногих, оговоренных особо) воспроизводятся по записям Пушкина. Курсивом набраны в этих текстах слова, подчеркнутые Пушкиным.

5) Богу молится по-раскольнически, грамоте видно не умеет, ...

(Показание истетского сотника И. Белоногова, стр. 696).

6) Был он в красном каз[ацком] платье ...

(Показание фурыера Тобольской гарнизонной роты И. И. Панова¹ стр. 699—700).

7) Пушка была одна, да и та в ворота брошенная ... Анбар был отворен и несколько четвертей муки и сухарей валялись на дворе.

(Показание капрала Тобольской гарнизонной роты И. Кайгородова,² стр. 695).

8) Сам держит без вс[якого] употребл[ения] лошадей 20 на лучшем корму, для побега.

(Показание Бахлиды Шагаева, Саяна Кубенева и Чжак Агубова, стр. 780).

9) Потом по распросам узнав, что есаул и 2 офицера бежали, сам Пугачев переменял лошадь, на буром коне взяв у казака дротик сам пят пустился в погоню.

(Показание донских казаков В. И. Малохова и И. Г. Мелехова, стр. 677).

Он не знал грамоты и крепился по-раскольничьи.

(Стр. 28 и 41).

Пугачев, в красном казацком платье, ...

(Стр. 35).

Анбар был отворен. Несколько четвертей муки и сухарей валялись на дворе. Одна пушка брошена была в воротах.

(Стр. 35).

Для того держал он на лучшем корму тридцать³ лошадей, выбранных им на скачке.

(Стр. 45).

Услыша от них о гвардейском офицере, Пугачев тут же переменял лошадь, и взяв в руки дротик, сам с четырьмя казаками поскакал за ним в погоню.

(Стр. 72).

¹ В записях Пушкина он ошибочно назван Ив. Ивановым (стр. 700).

² В записях Пушкина он ошибочно назван Ивановым (стр. 696).

³ Цифра (30 вместо 20) выправлена Пушкиным по летописи Рычкова, который в свою очередь основывался на показании своего подчиненного, писаря Полуворотова, пробывшего в Берде около двух недель в качестве пленного. Оттуда же упоминание о скачке (см. стр. 234).

Б. Донесения начальников правительственных отрядов

10) ... А лошади падали и дохли.

... Но лошади, изнуренные бескормицей, падали и дохли под тяжестью артиллерии, ...¹

11) ... И толпы их заезжали кругом мне в тыл.

... Толпы мятежников начали заезжать в тыл обеим колоннам.

(Рапорт К. Валленштиерна от 6 февраля 1774 г., стр. 712).

(Стр. 36 и 38).

12) Яицкой городок, начальное гнездо бунта ...²

Яицкий городок, сие первое гнездо бунта, ...

(Рапорт П. М. Голицына от 17 апреля 1774 г., стр. 645).

(Стр. 36).

13) ... Сам я краем рва придвинулся к слободе с 3 пушками, и действовал удачно, ...

Наумов, сначала действовавший довольно удачно, ...

(Рапорт С. А. Наумова, стр. 713).

(Стр. 38).

14) Но поручик ф.[он] Горстен, командуя ротою драгун, ударил в палаши и попирая, рубил их через весь город... Город был очищен, ...

Но драгуны ударили в палаши и въехали в город, рубя и попирая бегущих... Город был очищен.

(Рапорт К. Муффеля от 31 декабря 1773 г., стр. 710).

(Стр. 43).

15) ...Рогатки сломлены, батареи взяты, артиллеристы перерезаны, предместья заняты — и злодеи бросились бежать... 25 деревень пришли в послушание...

Рогатки их были сломаны, батареи взяты, предместья заняты; всё бежало. Двадцать пять бунтовавших деревень пришли в повиновение.

(Рапорт Ю. Б. Бибикова от 18 января 1774 г., стр. 638).

(Стр. 44).

¹ У Валленштиерна речь идет о вылазке 13 января 1774 г., Пушкин же пользуется его выражениями, говоря о вылазке, предполагавшейся в ночь на 1 декабря 1773 г.; эта вылазка была отменена, по словам Рейнсдорпа, оттого, что «из-под артиллерии 30 лошадей от бескормицы пало» (стр. 524).

² Непосредственно вслед за этим Пушкин отметил в скобках: «сл.[ова] Гол.[ицына]».

16) Сию толпу, как ни опасно было оставлять у себя в заду, но... пошел прямо к Чесноковке на деревню Арова...

17) В 2 часа в Требикове,¹ в 5 верст. от Чесноковки, встречен я был 1000 чел. с двумя пушками. Майор Харин их разбил и рассеял. Егеря отняли пушки...

18)... Я велел... коннице моей, спешившейся в начале сражения, садиться на конь...

(Рапорт И. И. Михельсона от 28 марта 1774 г., стр. 714).

19)... И отошел 15 верст, узнал через пойманных башкирцев, что Пугачев пошел не на Кизил, а прямо на Карагайскую крепость Уральскими горами;... Посему я пошел назад.

(Рапорт И. А. Кляпье де-Колонг от 26 мая 1774 г., стр. 649).

20) Следы чем далее, тем более рассыпались, и наконец пропал[и].

(Рапорт И. И. Михельсона от 27 мая 1774 г., стр. 652).

21) Я оставил майора Дуве и пошел на подкрепл[ение] Харина, проходившего ров под их огнем — и по пятичасовом сражении непр[иятель] разбит.

(Рапорт И. И. Михельсона от 13 июля 1774 г., стр. 660).

Михельсон, оставя их у себя в тылу, пошел прямо на Чеснокову...

Тут он был встречен толпою бунтовщиков с двумя пушками. Майор Харин разбил их и рассеял; егеря отняли пушки...

...И велел своей коннице спешившейся в начале сражения, садиться на-конь...

(Стр. 50).

Но прошед уже пятнадцать верст, узнал от пойманного башкирца, что Пугачев, услыша о приближении войска, шел уже не к Кизильской, а прямо Уральскими горами, на Карагайскую. Декалонг пошел назад.

(Стр. 56).

След их, чем далее шел, тем более рассыпался, и наконец совсем пропал.

(Стр. 58).

Михельсон, оставя Дуве, пошел на подкрепление Харина, проходившего через овраг под неприятельскими ядрами. Наконец, после пяти часов упорного сражения, Пугачев был разбит...

(Стр. 65).

¹ Описка Пушкина, перешедшая и в «Историю Пугачева» (стр. 50). В той же выписке, несколькими строками ниже, Пушкин дает верное название деревни — Третьяково; это последнее название нанесено им кроме того и на схематический чертеж, набросанный на этой выписке (стр. 714 и подклеенная к ней репродукция).

22) ... И бив преследован более 30 верст, ударился он в лес, а наши кони были не в состоянии далее идти.¹

(Рапорт И. И. Михальсона от 16 июля 1774 г., стр. 351).

23) Курмышской воеводский товар.[ищ] Алфимов бежал, узнав о приближении Пугачева, а 20го поутру Пугачев вплавь переправясь через Суру, вошел в Курмыш. Дворяне бежали, а народ встретил его на берегу с образами и хлебом.

(Рапорт офицеров Курмышской инвалидной команды от 27 июля 1774 г., стр. 658).

24) При входе моем в город, я его² арестовал... Благородных изменников взял с собою, а черных людей велел под виселицею высесть плетьюми.

(Рапорт В. Меллина от 2 августа 1774 г., стр. 669).

25) Между тем Кобяков возвратился с пугачевск.[им] указом, который, взяв от него, я разорвал и растоптал, а его велел арестовать.

... И наконец ударился в лес. Харин, преследовавший его целые тридцать верст, принужден был остановиться.

(Стр. 68).

20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом.

(Стр. 70).

На другой день Меллин вошел в Саранск, взял под караул прапорщика Шахматова, посаженного в воеводы от самозванца, также и других важных изменников духовного и дворянского звания, а черных людей велел высесть плетьюми под виселицею.

Стр. 71).

Между тем Кобяков возвратился с взаимительным письмом. Бошняк, выхватив его из рук изменника, разорвал и растоптал, а Кобякова велел взять под караул...

¹ Воспроизводится по копии, опубликованной Пушкиным в составе летописи Рычкова. В конспекте, составленном Пушкиным, это место читается так: «...И преследуемый более 30 вер.[ст] ударился в лес» (стр. 659).

² С. М. Шахматова.

26) По первому выстрелу Пугачева, казаки и обыватели разбежались.

27) Вдруг 300 артилл.[еристов], выхвата из-под пушек клинья и фитили, выскочили из укрепления и передались.

(Рапорт И. К. Бошняка от 16 октября 1774 г., стр. 675).

23) Калмыки разбежались при первом пушечном выстреле; казаки дрались храбро, доходя до самых пушек, но были отрезаны от команды — и побиты.

(Рапорт И. Е. Цыплетева от 17 августа 1774 г., стр. 672).

По первому выстрелу крепостные казаки и обыватели разбежались.

... Вдруг триста артиллеристов, выхвата из-под пушек клинья и фитили, выбежали из крепости и передались.

(Стр. 73).

Калмыки разбежались при первом пушечном выстреле. Казаки дрались храбро и доходили до самых пушек, но были отрезаны и передались.

(Стр. 74).

В. Сводки высшего командования правительственных войск

29) ... Все начальники объявили ему о ненадежности войска.

(Экстракт И. А. Рейнсдорна, стр. 519).

30) ... Получил известие, что он уже со всем корпусом безо всякого сопротивления ведется в лагерь злодейский.

(то же, стр. 522).

31) ... Зло сие весьма далеко возрасло и обширно распространилось.

(Письмо А. И. Епифанова от 5 января 1774 г., стр. 712).

32) Ген.[ерал]-м.[айор] Мансуров 6 [го] и 7 [го] занял оставленные креп.[ости] Озерную, Рассыпную и Илецкий Городок, нашед в сем 14 пушек.

(Рапорт Ф. Ф. Щербатова от 23 апреля 1774 г., стр. 648).

... И 12 октября Наумов вывел опять из города свое ненадежное войско.

(Стр. 25).

Получил известие, что весь отряд Чернышева взят и ведется в лагерь Пугачева.

(Стр. 31).

Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко.

(Стр. 40).

Мансуров 6 и 7 апреля занял оставленные крепости и Илецкой городок, нашед в последнем четырнадцать пушек.

(Стр. 51).

33) ... Злодеи, числом в 300 чел., под предвод[ительством] Овчинникова, забирая у обывателей свежих лошадей, проскакали через Сакмарскую линию и Новомосковскую дорогу в Башкирию.

(Рапорт Ф. Ф. Щербатова от 11 мая 1774 г., стр. 651).

34) Бег сего злодея столь *быстр и опрометчив*, что нет способу с соблюдением порядка службы его преследовать.

35) Лучшее средство перехватывать ему путь, но по столь великому пространств[у] рассеянные войска не могут делать быстрые обороты, а в асхадях мор и нужда.

(Рапорт Ф. Ф. Щербатова от 22 июля 1774 г., стр. 657).

36) Жду с нетерпен[ием] от кн. Галиц[ына] из Мензелинска войск — для отправления оных на подкрепление отрядов, и сам поспешу за ними.

(Рапорт Ф. Ф. Щербатова от 27 июля 1774 г., стр. 666).

37) ... Пугачев за собою оставляет возмутителей.

(Рапорт П. М. Голицына от 4 августа 1774 г., стр. 668).

Овчинников и Перфильев, преследуемые майором Шевичем, проскакали через Сакмарскую линию с тремя-стами яицких казаков, ...

... Он¹ скакал проселочными дорогами, забирая свежих лошадей, ...

(Стр. 55 и 71).

Мы оставили Михельсона неустоимо преследующим опрометчивое стремление Пугачева.

Его движения были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преследовать; к тому же конница была слишком изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, рассеянные на великом пространстве, не могли всюду поспевать и делать скорые обороты.

(Стр. 64 и 67).

Князь Щербатов с нетерпением ожидал прибытия войск из Башкирии, дабы отправить подкрепление действующим отрядам, и сам хотел спешить за ними; ...

... И оставляя за собою возмутителей, ...

(Стр. 71).

¹ В этом последнем случае Пушкин применяет выражение Щербатова не к апрельскому движению Овчинникова, о котором говорит Щербатов, а к июльскому движению самого Пугачева.

38) Пугачев переплыл Волгу и ушел на луговую сторону с 30 человеками,...

(Рапорт П. Н. Кречетникова от 10 сентября 1744 г., стр. 719).

Пугачев, в семидесяти верстах от места сражения, переплыл Волгу, выше Черноярска, на четырех лодках, и ушел на луговую сторону, не более как с тридцатью казаками.¹

(Стр. 75).

Г. Акты центральной власти

39) Генерал-майору Потемкину не оставалось в таковых обстоятельствах иного предпринять, как единственно спасти от злодейских рук казанский кремль. Что он и учинил, и вошел в оный, до тех пор оборонялся, пока приспел в помощь городу неутомимый полковник Михельсон с detachmentом.

(Описание происхождения дела и сокрушения злодей, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева, стр. 178).

Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились к крепости, как к последнему убежищу.² Потемкин вошел вместе с ними.

(Стр. 62—63).

Д. Мемуары

40) Сей искусный и попечительный генерал, с придачею ему в Оренбурге двух легких команд и еще нескольких регулярных и нерегулярных войск, по слитии вод, отправлен был сперва к Илецкому городку, где он, оста-

Фрейман весною прибыл в Оренбург, где дождался слития рек, и — взяв с собою две легкие полевые команды и несколько казаков, пошел к Яицкому городку. Мятеежники, в числе трех тысяч, выехали³ против него; оба вой-

¹ Отсутствующие у Кречетникова сведения заимствованы Пушкиным из рапорта С. Н. Сулина от 25 августа 1774 г. (стр. 716) и из «Histoire de la révolte de Pugatschef» (p. 356).

² Это предложение не имеет никакой связи с данным официальным источником (оно восходит к «Краткому известию» П. Любарского, стр. 363), но характер связи следующего предложения с «Описанием дела» становится ясен только в этом контексте.

³ Первоначально в рукописи Пушкина было: «вышли» (стр. 413)

новьясь на несколько времени, все распорядил так, как бы ему лучше и безопаснее к Яицкому городку подступить и оным овладеть, ежели б злодеи отважились ему воспротивиться; но они, не допустя его туда верст за семьдесят, сами с пушками выехали ему на-встречу тысячах в трех людства, а тем и открыли уже они явно намерение свое к бунту.

41)... И своими пушками очистил себе путь..

(П. И. Рычков. *Летопись*, стр. 207—208).

42) По разным частным известиям, якобы он Пугачев еще в то самое время, когда по высочайшей конфирмации, за убийство генерал-майора Траубенберга и за предписанные злодейства, зачинщикам чинено наказание, был на Яике и шатался между дворов в крайней бедности, а наконец жил он в работниках на хуторах тамошнего казака Даниила Шолудякова,...

(То же, стр. 210).

43)... У тех, кто им был нужен, подхватя за узды лошадей, погнали их к самованцу,...

(То же, стр. 212).

ска сошлись в семидесяти верстах от города.

(Стр. 11).

Фрейман картечью открыл себе дорогу.

(Стр. 11).

В смутное сие время, по казачьим дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому, и принимался за всякие ремесла.¹ Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков,...

(Стр. 13).

... И потащила с собою пятьдесят верных казаков, ухватя за узды их лошадей.

(Стр. 16).

¹ Сведения о том, что Пугачев «принимался за всякие ремесла», заимствованы не из летописи Рычкова, а из рассказов, слышанных Пушкиным в Берде и Уральске. См. стр. 98 (прим. 1) и 496; ср. также «Известие» И. Полянского (стр. 583).

44) Оставшие ж подле Егорьевской церкви злодеи в то ночное время, как на соборной церкви били часы, на каждый час делали по выстрелу из пушки:...

(То же, стр. 241).

45) ... С сообщниками своими, которых он любит, нередко вместе обедает и напивается допьяна, которые обще с ним сидят в шапках, а иногда-де и в рубахах и поют бурлацкие песни без всякого ему почтения; но когда-де выходит он на базар, тогда снимают шапки и ходят за ним без шапок, ...¹

(То же, стр. 324).

46) Самолутейший зверь Емелька, являсь у вышепомянутых воров на Шелудяковых занятиях...

(И. Полянский. Известие, стр. 583).

47) Сии опасные вылазки чинимы были всегда с успехом, иногда 2 раза в короткий зимний день, солдаты были остервенены.

(И. Д. Симонов. Журнал, стр. 501).

48) Атакою предводительствовал сам Пугачев, который сперва лаской старался их возбуждать, а наконец колол копьем из своих рук. Штурм продолжался более

... Но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часов соборной церкви, делая по выстрелу на каждый час.

(Стр. 26).

Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом: но на-едине обходились с ним как с товарищем, и вместе пьянствовали, сидя при нем в шапках и в одних рубахах, и распевая бурлацкие песни.

(Стр. 27).

Пугачев явился на хуторах отставного казака Данилы Шелудякова, ...

(Стр. 14).

Сии опасные вылазки производились ежедневно, иногда два раза в день и всегда с успехом: солдаты были остервенены, ...

(Стр. 37).

Пугачев стоял во рву с копьем в руке, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающих, наконец сам коля бегущих. Приступ длился девять часов.

¹ Рычков пересказывает в этом случае сообщение корнета Пустовалова, который «выехал из злодейских рук» 16 марта 1774 г. Конспектируя это место «Летописи», Пушкин отчеркнул его на полях карандашом (стр. 769).

9 часов при неумолчной пальбе и стрельбине.

(То же, стр. 502).

49) Хотя смятение и было велико,...

(«Оборона крепости Яик» от партия мятежников», стр. 537).

50)... Камни, не быв разбросаны, свалились в груды,...

(То же, стр. 542).

51) Половина людей была всегда в ружье, а другой позволялось дремать сидя,...

(То же, стр. 546).

52) Сколь сему любезному гостю ² весь город, можно сказать, был рад, описать не можно, не только человеки были в восторге, но издали казались переменными.

(И. О с и п о в. Прибавление, стр. 574).

53) ... Малосмысленные сии твари, от конных яицких казаков свади плетями подгоняемые, перебегая весьма проворно из буерака в буерак, из лощины в лощину и переползая, по предписанию Минеева, по-егерьски на брюхах через вышины, кои пушечным нашим выстрелам несколько открыты были, наконец таким образом в самые крайние к жилу два буерака выбрались свободно.

(Краткое известие П. Любарского, стр. 363).

сряду, при неумолчной пальбе и перестрелке.

(Стр. 45).

Смятение в городе было велико.

(Стр. 37).

Камни, не быв разметаны, свалились в груды.¹

(Стр. 46).

Ночью половина гарнизона всегда стояла в ружье; другой позволено было только сидя дремать.

(Стр. 52).

Жители приняли его с восторгом неописанным.

(Стр. 49).

Эта сволочь, большею частью безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебегала из буерака в буерак, из лощины в лощину, переползала через высоты, подверженные пушечным выстрелам, и таким образом забралась в овраги, находящиеся на краю самого предместия.

(Стр. 62).

¹ Эта фраза внесена Пушкиным уже в процессе правки беловика (стр. 445).

² П. М. Голицыну, явившемуся в Оренбург после снятия осады

54)... Имел удачное дело
со злодеем,...

(То же, стр. 365).

...Имел жаркое дело с Пу-
гачевым...

(Стр. 64).

55) Мы ехали на переменных
обывательских лошадях, и везли
Пугачева скованного по рукам и
ногам не в клетке, а в зимней
кибитке.

(Н. Э. Попова-Швейков-
ский. Биография, стр. 499).

Его везли в зимней кибитке,
на переменных обывательских
лошадях;¹ ... Он был в оковах.

(Стр. 8).

56) На саних был амвон, на
котором возвышении и сидел
Пугачев вместе с духовником
своим,...

(То же, стр. 500).

... Ехали сани, с высоким
амвоном. На нем, с открытою голо-
вою, сидел Пугачев, насупротив
его духовник.

(Стр. 79).

57)... Я увидел позорище для
всех чрезвычайное, для меня же
и новое:...

(И. И. Дмитриев. Взгляд на
мою жизнь, стр. 147).

Очевидец... описывает сле-
дующим образом кровавое позо-
рище:...

(Стр. 79).

58)... Все пространство бо-
лота, или, лучше сказать, низкой
лощины, все кровли домов и ла-
вок, на высотах с обеих сторон ее,
усеяны были людьми обоего пола
и различного состояния. Любо-
пытные зрители даже вспрыги-
вали на козлы и запятки карет
и колясок. Вдруг все восколеба-
лось, и с шумом заговорило: *ве-
зут, везут!*

(То же, стр. 147).

Кровли домов и лавок усеяны
были людьми; низкая площадь
и ближние улицы заставлены
каретами и колясками. Вдруг все
заколебалось и зашумело; закри-
чали: *везут, везут!*

(Стр. 79).

¹ Эта фраза внесена Пушкиным уже в процессе правки бело-
вика (стр. 433).

Е. Исторические исследования

59) Императрица положила взять самые сильные и деятельные меры к постановлению оплота, против столь быстро возрастающей грозы.

(А. А. Бибииков. Эпизоды о жизни и службе А. И. Бибиикова, стр. 240¹).

60) Она подошла к нему во время придворного бала с тем милостивым и ласковым видом, коим государи оказывают благоволение ближайшим их подданным, и по нескольких приветственных словах, объявила ему, что желает употребить его к утишению опасного для отечества пожара. Александр Ильич одарен был особенно остротою ума, всегда готов дать смелый, но приятный ответ изъясняя, что он посвятил себя на службу отечеству, прибавил, что есть простонародная русская песня «Сарафан ли мой»,...

(То же, стр. 240—241).

61) Александр Ильич безотговорочно согласился,...

(То же, стр. 242).

62) Приехав в Москву 13-го того же месяца, нашел он обширную сию столицу в страхе и унынии...

(То же, стр. 277).

Императрица видела необходимость взять сильные меры противу возрастающего зла.

(Стр. 32).

Она подошла к нему, на придворном бале, с прежней ласковой улыбкою, и милостиво с ним разговаривая, объявила ему новое его назначение. Бибииков отвечал, что он посвятил себя на службу отечеству, и тут же привел слова простонародной песни, применив их к своему положению: «Сарафан ли мой»,...

(Стр. 32).

Он безотговорочно принял на себя многотрудную должность,...

(Стр. 32).

Приехав в Москву, Бибииков нашел старую столицу в страхе и унынии.

(Стр. 32).

¹ Эта и следующие выдержки из книги А. А. Бибиикова приводятся по изданию 1817 г., которым пользовался Пушкин.

63) Казанское дворянство желало в благодарность к своему спасителю погребсти тело его в Казане и соорудить ему памятник.

(Там же, стр. 321).

Казань желала погребсти его в своем соборе и соорудить¹ памятник своему избавителю;...

(Стр. 54).

Все эти примеры говорят не только о том, как богато и разнообразно документирована «История Пугачева», как точен и как осторожен был Пушкин, когда сообщал исторические факты. Из этих примеров видно, что, помимо прочной материальной связи между «Историей Пугачева» и ее источниками, была между ними и связь формальная. Работая над источником, Пушкин переносил из него в свой текст не только факты, но в какой-то мере и лексику этого источника и его синтаксис.

Судя по обилию примеров, можно смело утверждать что это, бесспорно, не случайное явление, а сознательно усвоенный прием.

Пределы пользования элементами чужой речи, как видим, весьма изменчивы.

Иногда Пушкин выхватывает только одно слово: обыкновенно глагол или существительное, изредка прилагательное и еще реже — наречие. Чаще однако заимствует он целый ряд слов («в красном казацком платье», «на лучшем корму», «лошади падали и дохли», «действовавший удачно», «ударили в палаши», «рубя и попирая», «сильный буран», «забирая свежих лошадей», и т. д.), сохраняя большей частью те же их формы, то же сочетание и тот же порядок, что и в источнике. Встречаются случаи, когда Пушкина привлекает, повидимому, не столько лексический материал источника, сколько синтаксическое его строение («Тут он был взят толпою бунтовщиков», «Отряд Черны-

¹ Первоначально в рукописи Пушкина было: «соорудить» (стр. 429).

IV

ЧТО ИЗМЕНЯЛОСЬ В ТЕКСТЕ ЦИТАТ?

Нетрудно заметить, — и это особенно важно, — что Пушкин не только не склонен был заимствовать из источников архаические слова, архаические формы и архаические обороты речи, но, наоборот, вел с ними весьма последовательную борьбу.

В этом наглядно убеждают приведенные примеры: вместо «обще с ним» Пушкин пишет «наедине с ним», вместо «в рассуждении» — «ибо», вместо «чинимы были» — «производились», вместо «стреляние» — «перестрелка», вместо «жило» — «предместие», вместо «дралися» — «дрались», вместо «построившись кареем» — «выстроившись в карре», и т. д.¹

В том же направлении работал Пушкин и над своим собственным языком. В рукописи «Истории Пугачева» «пиитическое предание» заменяется «поэтическим преданием» (стр. 412), «феатр» — «театром» (стр. 420), «тыл Михельсонов» — «тылом Михельсона» (стр. 428), «ново-крещане» — «ново-крещенными» (стр. 449), и т. д.

¹ Единственным архаизмом, заимствованным из источников, является глагол «погребсти», которым Пушкин в других своих произведениях не пользуется, заменяя его глаголом «похоронить» (см., например, «Гробовщик», «Станционный смотритель»).

Таким образом, Пушкин не стремился ни к реставрации языка XVIII века, ни к стилизации под этот язык.

Не может поколебать нашего вывода и то обстоятельство, что в «Истории Пугачева» местоимение «этот» заменено во всех без исключения случаях местоимением «сей».

Это последнее в пушкинское время не являлось архаизмом: оно уже и тогда, по свидетельству Пушкина, «избегалось в разговоре», но сохранялось и в служебной переписке, и в законодательных актах, и в научной литературе. Пушкин старался не пользоваться им в художественной, критической и публицистической прозе,¹ однако считал его необходимой принадлежностью исторического изложения: в статьях «О французской революции» и «О железной маске» так же, как и в предисловии к «Борису Годунову», местоимение «этот» не встречается ни разу; в статьях о Полевом мы находим его только один раз.²

¹ Но не отказывался от него вовсе: «Сему последнему примеру...» (Арап Петра Великого), «При сих словах...» (Выстрел), «Сии размышления...» (Гробовщик), «Сие ласковое обещание...» (Дубровский), «На сей раз...» (Пиковая дама), «Сей неожиданный удар» (Капитанская дочка), «В сем сражении» (Путешествие в Арзрум), «Сия мера...» (О народном воспитании), «Сего мрачного и сильного характера...» (О Байроне) и т. д. Припомним замечания Пушкина по этому поводу в связи с «шутками г. Сенковского на счет невинных местоимений сей, сия, сие, оный, она, оно» (в «Письме к издателю», напечатанном в «Современнике» за подписью А. Б.).

² Предисловия к «Повестям Белкина» и к «Истории села Горюхина» включают в себе элементы пародии и потому не могут в этом случае идти в счет. В «Замечаниях по русской истории XVIII века» встречаются и «сей» и «этот», но в то раннее время прозаический язык Пушкина еще не сложился, да и вряд ли возможно отнести эту статью к числу исторических произведений Пушкина: она носит явно выраженный публицистический характер.

PUGATCHEF.

Published according to Act of Parliament Jany 1794. by T Cadell in the Strand.

Пугачев, прикованный к стене Московского острога.

Гравюра Рюотта.

(Из «Путешествия» Кокса, 1784).

Так же последовательно велась борьба и с теми устарелыми европеизмами, которыми так перегружен язык занимающих нас источников. Вместо слов «корпус» или «деташемент» Пушкин писал «отряд», вместо «комендантская камора» — «комендантские палаты», вместо «ретраншемент» — «крепость», вместо «ретироваться» — «отступать» и т. д.¹

Из числа диалектизмов, которых в источниках «Истории Пугачева», а особенно у П. И. Рычкова, было немало, Пушкин сохранил лишь очень немногие («плавня», «умет», «буерак»,² «гулебшики», «малолеток»), причем склонен был пояснять их смысл в основном тексте или в примечаниях (стр. 15, 37, 98, 110). Остальные («азям», «сырты», «ертаул», «рели», «заимка» и пр.) отбрасывались.

Можно проследить также, с какой тщательностью Пушкин очищал язык очевидцев от того «приказного» налета, которым обволакивали его провинциальные чиновники, снимавшие допросы, переводившие иноязычные документы и сочинявшие письма, рапорты и отношения. — Если в цитате из показания Михаила Кожевникова, о которой уже говорено выше, Пушкин заменил глагол «следовать» глаголом «броситься», то сделал он это, с одной стороны, оттого, что этот вялый бюрократический глагол был совершенно непригоден, когда речь шла о наступательном движении революционной армии, а с другой стороны, — и это главное, — оттого, что он был как нельзя менее уместен в устах яицкого

¹ Вместо «арестовать» Пушкин неизменно пишет «взять под караул».

² Значение этого слова Пушкин понял, повидимому, не сразу: в рукописи «Истории Пугачева» встречаем: «перебегала с буерака на буерак» (стр. 431), «Пугачев стоял на буераке» (стр. 433); впоследствии это было переправлено. Но из числа введенных в «Историю» местных слов только это не снабжено пояснением.

казака, степного охотника и старовера. В этом же показании Пушкин исправляет «прежде время» на «преждевременно» и канцелярское «в прочих местах» на «повсюду». Мы помним работу, проделанную Пушкиным над цитатой из письма Нурали-хана. Оренбургский коллежский регистратор внес в перевод этого письма такие выражения, как «претекст», «переехать я не в состоянии», «заблудящие речи», «подполковник и старшина сказали, что их сила, не заимствуя нашей, достигнет» (стр. 196—197). Эту последнюю фразу Пушкин передал так: «И отвечали, что надеются управиться с мятежниками без его помощи» (стр. 17).

Стиль реляций Михельсона и Муффеля нравился Пушкину своей воинственной энергией. Но в них слышался все же немецкий акцент, который производил подчас, как мы видели, довольно комическое впечатление («рубил их через весь город», «оставлять у себя в зад»). Все это устранялось Пушкиным старательно.

Из числа мемуаристов более всех, видимо, пришелся по душе Пушкину тот анонимный «старик», которому принадлежит «весьма замечательная», по выражению Пушкина, статья «Оборона крепости Яика от партии мятежников». Усмотрев в этой статье «драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной» (стр. 112), Пушкин цитирует этого автора чаще, и пространнее, чем кого бы то ни было, и притом в большинстве случаев почти дословно. Но погрешности против русского языка истребляет и здесь («половина людей была всегда в ружье», «думали видеть во сне» и т. п.).

Наконец, по приведенной выше цитате из книги А. А. Бибикова (№ 60, сцена придворного бала) можно судить о том, как ожесточенно боролся Пушкин с сумбурным синтаксисом этого сановного историка.

V ЧТО СОХРАНЯЛОСЬ В ТЕКСТЕ ЦИТАТ?

Итак, за вычетом отброшенных Пушкиным архаизмов, европеизмов, диалектизмов, канцеляризов и прямых ошибок против правил русской речи, что же осталось от тех цитат, которые мы условно назвали скрытыми? Каков же их язык после этой переработки?

В пределах интересующих нас цитат, — а их, повторяю, чрезвычайно много, — это язык первоисточника, но приведенный в такое состояние, которое обеспечивало предельную его доходчивость, то есть давало возможность любому современнику Пушкина понимать этот язык до конца, воспринимая его не как язык устарелый, а как язык своего времени.

Следует отметить еще одну существенную особенность этих цитат. Проглядывая соответствующие тексты Пушкина, мы видим, что он выбирал из источников не одни только удачные, меткие и сильные слова, такие, например, как «ударили в палаши», «гнездо бунта», «след, чем дальше шел, тем более рассыпался, и наконец совсем пропал», «выхватя из-под пушек клинья и фитили», «ударился в лес», «перехватить ему дорогу», и т. д. Если бы все цитаты были таковы, то наличие их не вызывало бы удивления. Зачем, в самом деле, пересказывать по-своему то, что «уже сказано как

нельзя лучше» другими? Но Пушкин с точно такой же бережностью сохраняет порой и выражения, казалось бы, вполне заурядные, а иногда — правда, в очень редких случаях — даже и вялые, несвойственные обычно его прозе: «приблизился к городу», «стал отступать», «действовал удачно», «с нетерпением ожидал прибытия войск», «смятение было велико», «в страхе и унынии» и т. д.

Можно не сомневаться, что если бы Пушкин писал историческую повесть, а не историческую монографию, если бы он работал над языком без сознательной оглядки на источники, то форма для всего этого была бы найдена другая, и отыскание этой формы далось бы ему — уже вполне зрелому в то время мастеру прозы — без особого труда. В Саранске народ встречал бы Пугачева с хлебом и солью, как в хорошо знакомой нам Белогорской крепости, а не с «хлебом», как сказано в «Истории Пугачева». Под Ильинской крепостью Пугачев приводил бы к присяге солдат не «в красном казацком платье», а «в красивом казацком кафтане, обшитом галунами», в каком появляется он в VII главе «Капитанской дочки».

Эти наблюдения можно продолжить и далее. Всматриваясь в цитату из рапорта Клаппе де-Колонга (№ 19), мы обнаруживаем здесь, кажется, даже некоторую неряшливость: на протяжении трех строк глагол «шел» в разных его формах повторяется трижды («прошед», «шел», «пошел»).

Наконец, в некоторых цитатах можно отыскать как будто и чуждую Пушкину неточность выражений. Так, например, ему было хорошо известно, разумеется, значение церковного термина «амвон». Он знал, что, как бы ни были построены те сани, в которых везли Пугачева на казнь, их нельзя было назвать «саниями с высо-

ким амвоном». И тем не менее, в «Истории Пугачева» эти сани описаны именно так.

Пушкин не отмежевывается от всего этого ни кавычками, ни курсивом, ни примечаниями. Перед нами гладкий авторский набор, под которым подпись Пушкина.

Вспомним при этом, что «История Пугачева» писалась не второпях. Работа над этими четырьмя с половиною листами прозы затянулась без малого на полтора года — срок, для Пушкина далеко не короткий. Есть основание предполагать, что текст «Истории», с которым знакомился Гоголь в мае 1833 г., текст, может быть уже полный, законченный, был после этого написан заново, повидимому, весь целиком. Черновики мы не знаем, но беловики этого нового текста испещрены местами таким количеством помарок, поправок и перестановок, что делаются похожи на черновики. Текст отделан до конца. Пушкин, работая над «Историей Пугачева», пустил в оборот всю ту замечательную свою способность, которую Бальзак, говоря о писательском мастерстве, именует терпением и которую считает одной из двух необходимейших черт литературного гения.

Вторую, обязательно ей сопутствующую, он называет отвагой.

VI

ОСНОВНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СКРЫТЫХ ЦИТАТ

Вот этой второй черте, этой отваге, присущей Пушкину в очень высокой степени, обязаны своим происхождением те несколько загадочные на первый взгляд особенности «Истории Пугачева», на которых, именно в силу этого, я счел необходимым остановиться так подробно в предыдущем изложении.

Мы наблюдаем совершенно новый и весьма смелый стилистический эксперимент. Необходимость его была вызвана, очевидно, той сложной творческой обстановкой, в какой оказался Пушкин, взявшись писать историко-революционную монографию.

Пушкин не считал возможным ограничиваться сухим протоколированием действий Пугачева и его армии и того противодействия, которое оказывалось им правительством и его армией. Еще менее для себя пригодными считал Пушкин те «блестящие выражения»,¹ кото-

¹ Вот, например, как описывает В. Б. Броневский взятую Пугачевым Казань: «На пожарищах тлелись человеческие кости; обнаженные дети, прося пищи, искали отцов; младенцы умирали в объятиях умерших матерей; рассеченные трупы разбросаны были повсюду; и дымящаяся кровь вопияла к небесам об отмщении. Словом, Емелька, корыстолюбивый, как бессмысленный разбойник, свирепый, как тигр, грабил и лил человеческую кровь, без цели, без нужды,

рыми принято было в его время скрашивать историческое изложение.

Отыскивая новые стилистические пути, Пушкин исходил, повидимому, из убеждения, что данные исторические события могут быть правильно восприняты и оценены читателем только при том условии, если помимо протокола этих событий читатель узнает и то, как определялось этими событиями сознание их участников, крупных и мелких, их очевидцев, образованных и малограмотных, их современников, приверженных к той или другой из борющихся сторон, и, наконец, потомства этих современников, сумевшего уберечь в памяти семейные предания.

Это сознание современников запечатлевалось в словесном составе и в строе их речи, которая и являлась в глазах Пушкина надежнейшим и выразительнейшим памятником прошлого.

Изучая источник, Пушкин уделял одинаковое внимание и тем фактам, какие в нем сообщались, и тому языку, каким они сообщались.

Язык источника был для Пушкина в каждом отдельном случае самодовлеющим историческим фактом, кото-

и резал, мучил только для того, чтобы резать и видеть кровь, льющуюся к ногам его» (История Донского войска. СПб., 1834, ч. II, стр. 111). Это печаталось в то самое время, когда Пушкин писал «Историю Пугачева». — У Державина те же события изображались так («Эпистола к генералу Михельсону на защищение Казани»):

Ристание на всех, рыкание и иск,

Прекровожаждающий на благородных рыск.

Это лаконичнее, чем у Броневского, но принцип изложения, в сущности, тот же.

У Пушкина читаем: «Казань, обращенная в груды горящих углей, дымилась и рдела во мраке» (стр. 63).

рый надо было передавать с такой же точностью, с какой передавался всякий вносимый в «Историю Пугачева» исторический факт.

Таким образом, вводя новый метод исторического изложения, Пушкин расширял тем самым и круг исторических фактов, охватываемых этим изложением.

Пушкина занимал не безличный язык эпохи и не безличный язык края, а индивидуальный язык каждого источника в отдельности, каждое изменение этого языка в пределах данного источника, каждая новая вибрация, подслушанная в голосе современника, каждая интонация этого голоса. Оттого-то Пушкину и не нужны были ни архаизмы, ни диалектизмы: они были характерны для своей эпохи или для своего района, но не они были характерны для человека, вовлеченного в пугачевское движение или пострадавшего от этого движения, возлагавшего на это движение те или иные надежды или, наоборот, испуганного этим движением. Голоса современников «кровавой поры» привлекали Пушкина не сами по себе, а только в той мере, в какой слышалась в них эмоция, вызванная тем или иным отдельным событием этой поры.

По той же самой причине Пушкин выбирал из речей этих современников не одни только яркие, но иногда и бледные слова. В зависимости от масштаба и свойства события и в зависимости от темперамента очевидца этого события эмоция могла быть и сильна, и слаба, и деятельна, и бездеятельна. Показателем ее силы и ее активности был для Пушкина язык очевидца. И Пушкин регистрировал эти показания, каковы бы они ни были, определяя по ним масштаб события, с поправкой на темперамент очевидца.

Этим путем, то есть через язык источников, шел сам Пушкин, изучая исторические события, и тем же самым

путем, через тот же язык, доводил он исследованные им события до сознания читателя.

Для того, чтобы добиться успеха в этой последней стадии работы, надо было приблизить язык источника к языку читателя. Мы уже знаем, что именно к этому-то и стремился Пушкин, перерабатывая язык цитат: все, что затрудняло их понимание, отбрасывалось, но интонация их, или — что, в сущности, одно и то же — их эмоциональное содержание, сохранялось в неприкосновенности.

VII

ОПЫТ ИСТОЛКОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ЦИТАТ

Если после этого объяснения мы снова вернемся к приведенным выше цитатам, то увидим, что объяснение это приложимо к каждой из них. Вот несколько примеров.

Оренбургский губернатор Рейнсдорп фигурирует и в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачева». Но в повести о дворянине, обвиненном в измене своему классу, Рейнсдорп — всего только третьестепенный персонаж, да притом еще полукомический. Чтобы подчеркнуть всю беспомощность этого чужеземца перед лицом народного движения, Пушкин прибегает к простому средству: он заставляет Рейнсдорпа говорить ломаным русским языком.

В «Истории Пугачева» у Рейнсдорпа иное положение: здесь это важный свидетель, а то и обвиняемый. Уделяя его показаниям много места, Пушкин только мимоходом упоминает о «темном и запутанном слоге» Рейнсдорпа. Он обращает главное внимание не на темноту его слога, а на то, как отразились на его языке те революционные события, в которых Рейнсдорп по своему крупному служебному положению мог и должен был сыграть решающую роль.

Возьмем наудачу один образец.

К осажденному Оренбургу подходит отряд симбирского коменданта Чернышева. Если ему удастся соединиться с оренбургским гарнизоном, то на стороне правительственных войск окажется значительный численный перевес. От этого зависит не только судьба Оренбурга, но, может быть, и исход всей крестьянской войны. Момент весьма серьезен.

Пугачев нападает на Чернышева под самым Оренбургом. После пятнадцатиминутного артиллерийского обстрела весь симбирский отряд с Чернышевым во главе кладет оружие и сдается. Рейнсдорп знает о приближении Чернышева, слышит выстрелы, но не посылает ему на помощь ни одного солдата.

Победа, доставшаяся Пугачеву так легко, объяснялась не только революционным брожением в царских войсках, но и упадочным настроением их начальников — Чернышева и Рейнсдорпа. Пушкин ищет живых свидетельств этого настроения и находит их в «Экстракте» Рейнсдорпа, составлявшемся день за днем, под свежим впечатлением событий. Пушкин переносит соответствующий отрывок из этого «Экстракта» почти дословно в свою «Историю»:

«В самое сие время в Оренбурге слышали пушечную пальбу, которая через четверть часа и замолкла... Несколько времени спустя, Рейнсдорп получил известие, что весь отряд Чернышева взят и ведется в лагерь Пугачева».

Это вялое, почти сонное «получил известие», эти страдательные залогии («взят и ведется») несравненно выразительнее и многозначительнее, чем немецкий акцент, красноречивее всяких долгих описаний и оценок. Синтаксическое строение этой губернаторской записи является в глазах Пушкина ценнейшим историческим памятником, которого нельзя не показать читателю. Генерал,

начальник огромного края, руководитель обороны, чей прямой служебный долг требовал в эту роковую минуту немедленных наступательных действий, сводит свою историческую роль к тому, что прислушивается к пальбе и «получает известие» о сражении, происходящем у него под боком.

В такой же прострации и Чернышев: его не приходится «брать» в рукопашном бою и потом «вести», преодолевая его сопротивление, зорко наблюдая, чтобы он не сбежал. Этот бывший камер-лакей из польских шляхтичей, назначенный симбирским комендантом только за то, что его двоюродный брат, тоже камер-лакей, когда-то, лет тридцать назад, приглянулся Екатерине, этот пожилой полковник с белыми, холеными руками, никогда не нюхавший пороха,¹ не принимает боя. Он не сопротивляется. Он не сбежит. Он «взят и ведется».

Так вошло это в сознание столь же пассивного и подавленного революционными событиями Рейнсдорпа. Так, со слов Рейнсдорпа, изображает это и Пушкин. Так оно и было.

Другой пример.

Когда в мае 1774 г. Пугачев, считавшийся окончательно разбитым, предпринял неожиданное наступление на северо-запад, его единственным противником оказался на первых порах генерал Клапье де-Колонг.

Потомок провансальского сеньера, гугенота, осевшего в Прибалтийском крае, полу-француз, полу-немец, военный инженер с немалым боевым опытом, де-Колонг успел к тому времени одряхлеть, опуститься и доживал свой долгий век на покое в Омске. На свою довольно высокую тыловую должность он смотрел, как на почетную синекуру, и с отменным удовольствием кушал

¹ «Русский архив», 1865, стр. 333-340.

превосходную тобольскую семгу, которую посылал ему по-приятельски сибирский губернатор Чичерин.

Де-Колонг был до крайности раздосадован, что из-за какого-то разбойника его подняли с насиженного гнезда и заставляют на старости лет таскаться по уральским предгорьям, куда-то спешить, кого-то догонять, сражаться. И наступательное движение Пугачева и его собственное представлялись ему, видимо, чем-то прежде всего очень утомительным. В его многословных рапортах, написанных ворчливо, далеко не литературно, по-стариковски, бросалось в глаза обилие всевозможных форм глагола «итти»: «иду», «идет», «пошел», «нашел», «вышел», «пришли», «вышел», «отошел». Впечатление создавалось такое, будто Пугачев только и знал, что все куда-то шел, шел, да шел, и де-Колонг, следуя за ним по пятам, тоже все только шел, шел и опять шел, «осиливая» десятки верст, изнемогая от старческой одышки и уходя все дальше от тихого Омска, от семги и от Чичерина.

Так отложился этот период крестьянской войны в сознании ветхого генерал-поручика, которому правительство поручило «с Сибирской стороны стеснять мятежные толпы». Так откликнулся на эту войну его коснеющий язык. Это ли не памятник? И Пушкин, поступаясь опрятностью, какую привык соблюдать в своей прозе, смело засоряет три строки своего текста этими многократными, подлинно историческими «шел», «пошел» и «прошел».¹

Еще пример.

2 ноября 1773 г. Оренбург был подвергнут сильной и длительной бомбардировке. В шестом часу вечера

¹ Подробности о де-Колонге см. в упомянутой выше книге А. И. Дмитриева-Мамонова.

она прекратилась, но затем, в течение всей долгой зимней ночи, как только соборная колокольня принималась отбивать часы, тотчас же одно из пугачевских орудий отвечало на колокольные удары одиночным выстрелом.

Рядовой военный историк не уделил бы этим ночным выстрелам никакого внимания. Он признал бы их всего лишь проявлением ни к чему не ведущего казачьего озорства.

Пушкин отнесся к этому иначе.

Петр Иванович Рычков, статский советник, усердный член-корреспондент Академии Наук, состоятельный помещик и видный участник оренбургских чиновничьих дразг, был немало растревожен событиями минувшего дня. Во время бомбардировки пугачевские ядра «трафили» то в губернаторские покои, то в окно к «первенствующему и капитальному оренбургскому купцу» Коченеву, которому оторвало при этом руку, то в Соляное правление, где заседал сам Рычков, то, наконец, в его собственный двор.

Отдохнуть от тяжелых ощущений не удалось и ночью. «Злодеи», успевшие незадолго перед тем разорить имение Рычкова и его пригородный хутор, не давали уснуть своими редкими, размеренными выстрелами, которые так зловеще перекликались с боем городских часов. Рычков не сознается в своей бессоннице, но из всего тона соответствующей страницы его «Летописи» Пушкину было ясно, что натерпевшийся страха статский советник глаз не сомкнул в эту ночь.

Так переживал ее не один Рычков: священник Осипов утверждает в своих мемуарах, что все осажденные провели эту ночь без сна (стр. 560). Утро застало их в состоянии усугубившейся подавленности.

Таким образом, бессмысленная на первый взгляд ночная пальба была на самом деле не пустым озор-

ством, а умно рассчитанным средством психического воздействия на врага.

Пушкин оценил это прекрасно, однако, всегда экономный на слова, он не пускается по этому поводу в длинные рассуждения. Он посвящает этому ночному эпизоду всего две строки, но обогащает их точной передачей тревожной рычковой интонации:

«Вечером огонь утих, но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часов соборной церкви, делая по выстрелу на каждый час».

Подобное же объяснение — и притом только такое — можно подвести и под удививший нас «амвон».

Пугачев ехал на казнь без шапки. В руке у него была зажженная свеча. Воск стекал на пальцы. Его сопровождал священник, вероятно, в камилавке, епитрахили и с крестом. Он все время что-то говорил Пугачеву «пошепту».¹

Стоявший где-то тут же в толпе молодой гренадерский офицер Повало-Швейковский и прочие зрители восприняли все это, очевидно, как некую невиданную религиозную церемонию.

Возможно, что Швейковский, недавний пленник Пугачева и вчерашней его конвоир, был не очень сведущ в церковной терминологии. Если возвышение на саниях он назвал амвоном, то это была простительная в его устах обмолвка. Но в глазах Пушкина она была показательна: она свидетельствовала о том впечатлении церковности, какое унесли с собой те, что побывали 10 января 1775 г. на Болотной площади. Чтобы передать то же впечатление и читателю, Пушкин подхватил эту обмолвку и внес ее в свой текст.²

¹ Это наречие, исключенное, впрочем, Пушкиным из печатного текста (стр. 79 и 434), — не было в то время арханизмом. Оно встречается и в «Дубровском» и в «Рославле».

² Весьма вероятно, что именно ради этого Пушкин урезал цитату из воспоминаний И. И. Дмитриева, пересказав ее начало своими сло-

Но в «Истории Пугачева» есть нечто, пожалуй, еще более удивительное, чем «амвон»: это тот «восторг неописанный», с каким приняли Голицына в Оренбурге. Где еще у Пушкина найдем мы этот ничего не выражающий эпитет, да еще в приложении к такому издавна нелюбимому существительному, как «восторг»? Кто заподозрит Пушкина в неспособности преодолеть семинарскую риторику оренбургского священника?

Все дело в том, что Пушкин и не собирался ее преодолевать. Наоборот: верный своей исторической манере, он хотел преподнести читателю эту чуждую ему официозную лексику во всем ее убожестве. Пусть читатель именно по ней догадается, какого свойства был «восторг», почему его «описать не можно» и кто его испытывал.

Эта догадка превратится в уверенность, если мы взглянем в пушкинский контекст. Кто же принимал столичного князя с «восторгом неописанным»? Не народ, не население Оренбурга, даже не обыватели, а «жители».

Слово «жители» Пушкин понимал не так, как понимаем его мы. В этом можно убедиться, не выходя за пределы «Истории Пугачева». На стр. 32—33, там, где говорится о московских настроениях в декабре 1773 г., «жители» вполне очевидно противопоставляются «холопьям» и «черни»: в то время как жители «трепетали», — холопья «распускали на площадях вести о вольности», а «многочисленная чернь с явным нетерпением ожидала Пугачева».¹ Стало быть, «холопья» и многочисленная «чернь» не относятся к числу

вами и дав ее полностью только в примечаниях: слово «амвон» неудобно было бы ввести в текст Дмитриева, заключенный в кавычки.

¹ Здесь же, в сочетании с «жителями» мы опять встречаем и «восторг» (по поводу назначения А. И. Бибикова).— Слова «холоп» и «чернь» приобретали оскорбительное значение только в поэтическом обиходе Пушкина, где он пользовался ими как метафорами и где они никогда не употреблялись в прямом своем смысле. Но в прозе

Yemelja Pugatschew

Rebelle in Rußland unter dem angenommenen Namen Czaar Peter des dritten im Orenburgischen Gouvernement; fieng an am Ende des Jahres 1773, ward gefangen am Ende des Jahres 1774, und im eiserne Käfig nach Moskow gebracht.

© Nach dem Original von Peterseu

Пугачев, заключенный в клетку, в которой его везли
из Яицкого городка.

Немецкая гравюра XVIII века по рисунку Петерсона.

«жителей». Жители — это не вся масса городского населения, а только зажиточная его верхушка.¹

Выразителем чувств этой верхушки и был автор пушкинского источника Осипов, священник оренбургской церкви, «что на Гостином дворе», человек по самому месту службы тесно связанный с городским купечеством.

Пушкин знал, что мартовский разгром Пугачева под Татищевой крепостью не мог вызвать восторженных чувств у той части оренбургского населения, представители которой ежедневно десятками перебегали в Берду. Но по цензурным причинам нельзя было говорить об этом: об исходе Татищевского боя следовало повествовать как о радостном событии. Таковым оно и было, но лишь для некоторых горожан. Вот для того, чтобы локализовать эту радость, чтобы показать читателю, в каком тесном социальном кругу она испытывалась, Пушкин и предоставляет слово Ивану Осипову, вполне полагаясь в этом случае на слабое действие его тусклой лексики.

Пушкина, — как и в быту того времени, — под чернью (или черным народом, черными людьми) разумелись люди непривилегированных сословий: крестьяне всех категорий, фабричные, посадские и пр. (ср. выше, пример № 24), а под холопьями — одна из групп этих черных людей: дворовые.

¹ Мне довелось лично убедиться в том, что в бывшем Нижегородском, ныне Горьковском крае, которому Пушкин в области языка обязан многим, до сих пор держится именно такое понимание слова «житель»: жителем именуется зажиточный человек. — Литера «Г», ст. 5 «Обряда выборов» в Екатерининскую комиссию 1767 г. самым точным образом объясняет, кого следует разуметь под «жителями города»: это все, имеющие или дом, или дом и торг, или дом и ремесло, или дом и промысел (А. А. Кизеветтер. Исторические очерки. М., 1912, стр. 226).

VIII

ПОДБОР ЦИТАТ

Итак, назначение цитат, которыми насыщен текст «Истории Пугачева», заключалось в том, чтобы ознакомить читателя не только с теми или иными историческими событиями, но и с тем, как этими событиями определялось сознание их современников. Для этого Пушкин изучал и — после критической проверки — демонстрировал перед читателем не одно содержание источника, но и его язык в меру эмоциональной его выразительности.

Чем явственнее слышался в этом языке голос свежего впечатления, тем внимательнее относился к нему Пушкин и тем охотнее знакомил с ним читателя.

С этой точки зрения язык прямого участника исторического события был для Пушкина ценнее, чем язык стороннего очевидца, язык очевидца — ценнее, чем язык заглавного современника, дневник современника — ценнее, чем его мемуары, мемуары — ценнее, чем историческое исследование.

Это подтверждается практикой Пушкина: в «Истории Пугачева» шире всего использованы и чаще всего цитируются показания участников событий и очевидцев, менее широко использованы и реже цитируются мемуаристы, мало использованы и почти вовсе не цитируются историки.

Это подтверждается и планом «Истории Пугачева». Объем ее разделов определяется не столько хронологиче-

скими требованиями, не столько значительностью изображаемых событий, не столько даже обилием собранных материалов, сколько словесной выразительностью этих материалов.

Достаточно сослаться хотя бы на то, что одинаковое, примерно, число страниц посвящено и событиям под Казанью, разыгравшимся на протяжении всего четырех дней, и последующему походу Пугачева на юг, продолжавшемуся более месяца и несравненно более важному во всех отношениях, чем казанский эпизод. При этом из шести страниц, уделенных этому походу, две страницы ушли на рассказ о саратовских событиях, не более значительных, чем другие. Это объясняется только тем, что в одном случае в распоряжении у Пушкина были такие-разнообразные и красноречивые материалы, как письмо Любарского, рассказ Бабина, показания Аристова, показание Малохова и Мелехова, «язвительное письмо» Державина, и т. д., а в другом случае — почти исключительно реляции начальников правительственных отрядов.

В руках у Пушкина было объемистое дело о побеге Пугачева из Казанской тюрьмы. В печати оно занимает полных 25 страниц, т. е. около 1000 строк (стр. 723—747). Но оно состояло почти сплошь из пресных канцелярских промеморий. В «Истории Пугачева» эти 1000 строк обратились в 7 строк (стр. 13—14), причем цитат здесь нет. А наряду с этим короткое, но чрезвычайно выразительное показание крестьянина Алексея Кирилова о взятии Сакмарского городка (стр. 622—623) процитировано почти полностью (стр. 20—21 и 25).

«Летопись» Рычкова написана на основе чрезвычайно ценных первоисточников: тут и «Экстракт» Рейнсдорпа, и «ежедневная записка» самого Рычкова, и походный журнал Голицына, и «сказки выбежавших» из Берды, и т. п. Соединив все это чисто механически и довольно неуклюже,

«трудолюбивый» Рычков счел необходимым придать этому материалу некоторую литературность.

Стиль первоисточников уступил место стилю редактора и мемуариста. А стиль этого редактора и мемуариста был столь тяжел даже и для своего времени,¹ что у Пушкина не возникло желания очистить его так, как он очищал язык других источников, и ввести в свой текст. «Любопытная рукопись» Рыčkова дала Пушкину много фактического материала, но языком ее он почти не воспользовался.

Он заимствует у Рыčkова — и то очень редко — отдельные слова («слитие рек», «шатался», «ухватя за узды их лошадей») и цитирует его летопись лишь в тех, тоже очень редких, случаях, когда сквозь язык Рыčkова проступает чей-нибудь другой язык, менее искусственный, более эмоциональный и выразительный (показание капрала Добрынина и др., стр. 320 и 47, приведенное выше показание корнета Пустовалова в примере № 45, и т. д.). Голос же самого Рыčkова мы слышим в «Истории Пугачева» собственно только два раза: там, где он говорит о «подлом духе» Пугачева и где рассказывает со всей непосредственностью испуганного человека об уже известных нам ночных выстрелах пугачевской пушки.

Таких примеров можно было бы привести еще много, но, кажется, довольно и этих.

¹ Нельзя забывать, что первыми учителями Рыčkова были петровские иноземцы, а затем он очень рано уехал на полуазиатскую окраину, где и прожил почти безвыездно до самой смерти. Образцом тяжеловесности рычковского стиля может служить, например, его выноска к записи 9 марта 1774 г. (стр. 321), образцом непразумительности — начало декабрьских записей 1773 г. (стр. 263).

IX

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СКРЫТЫХ ЦИТАТ

Обильные цитаты, о которых мы говорим, явные и «скрытые», имели в «Истории Пугачева» еще и другое назначение, не менее важное.

Как отмечалось уже не раз, их очень много. Каждая из них воспроизводит голос какого-либо современника, его впечатление от того или иного события, а тем самым и его суждение об этом событии, его точку зрения. При этом, чем значительнее факты, тем больше привлекается и таких свидетельств.

Стесненный цензурными условиями, Пушкин избегает открыто высказывать свое собственное суждение о подобных фактах, но восполняет это умолчание тем, что приводит не одно, а несколько чужих суждений, показывает исторические объекты с разных точек зрения, с разных сторон. Благодаря такому «стереоскопическому» способу изложения перед читателем возникает, так сказать, не плоскостное, а объемное изображение исторических событий. Пушкин как бы обводит за собой читателя вокруг того или иного явления, заставляя самостоятельно проделывать ту же критическую работу, какую проделал сам Пушкин.

Однако читатель не предоставлен в этом случае самому себе: Пушкин помогает ему в этой критической работе,

но опять-таки не прямым советом, а все теми же уроками языка, при помощи все тех же цитат. Заставляя не только усваивать содержание свидетельского показания, но и вслушиваться в его язык, в его интонацию, Пушкин тем самым облегчает читателю возможность вникнуть в это показание как можно глубже, как можно тоньше, чтобы тем вернее определить истинную его ценность.

Припомним, например, как знакомит нас Пушкин с предъ- историей Пугачева, то есть с теми событиями его жизни, которые предшествовали его вооруженному выступлению под Яицким городком.

Пушкин возвращается к этим событиям неоднократно, но ни разу не рассказывает их от себя.

В начале II главы (стр. 13) намечается еще довольно туманный образ «неизвестного бродяги», который в «смутное время» казацких казней «штался» по дворам и «подговаривал казаков бежать в области турецкого султана». Кавычек и курсивов здесь нет, но это рассказано не голосом Пушкина, а голосом малыковского зрителя Расторгуева (стр. 99) с примесью рычковых словечек (см. выше, пример № 42). Это — прошлое Пугачева в том еще неясном аспекте, в каком рисовалось оно вначале робкому воображению мелких провинциальных чиновников, встревоженных «дерзостью» пугачевских речей о каком-то поджидающем его паше, о турецком султани, о пятиллионных иностранных субсидиях.

Двумя страницами дальше (стр. 15) опять не от самого Пушкина, а из уст яицкого казака Кожевникова мы узнаем новые «странные слухи». Это — прошлое Пугачева в аспекте легенды, созданной им самим и теми «яицкими заговорщиками», которым, как мы знаем из первой главы, «недоставало предводителя».

Показание Кожевникова передано далеко не дословно, однако сохранены и даже усилены интонации человека,

с первых же слов поверившего в «нелепую», но нужную ему повесть. Подчеркивается впечатление таинственности: «объявил за тайну», «великая особа», «неведомый человек», «незнакомец», «тайно находился в русском войске», «неизвестный купец». Все это произносится как бы шопотом. Читатель вводится в атмосферу «тайных совещаний», происходивших «по степным уметам и отдаленным хуторам».

В конце IV главы (стр. 41), где речь идет уже о вполне определившемся, широком, многонациональном восстании, Пушкин снова, совершенно неожиданно и как будто не к месту, заговаривает о прошлом Пугачева.

«Великая особа» обращается здесь в кулачного бойца с вышибленным зубом, в безграмотного раскольника, страдающего какой-то сомнительной болезнью, в человека «беспутной жизни», подозреваемого в конокрадстве.

Но все дело в том, что и эти сообщения идут не от Пушкина; он это оговаривает; он предпосылает этому рассказу такую фразу: «Между тем отобраны следующие подробные сведения о злодее, колебавшем государство», а кончает рассказ такими словами: «Все сии известия были обнародованы».

Итак, это — прошлое Пугачева в аспекте правительственных публикаций. Пушкин отмежевывается от них не только двумя прямыми оговорками, но и тем, что заключает этим рассказом перечень тех неудачных «средств», которыми растерявшаяся Екатерина пыталась «образумить ослепленную чернь». Помещая «все сии известия» именно здесь, в конце IV главы, Пушкин дает понять, что они представляют собою не более, как одно из этих слабодествующих «средств», сопровождаемое к тому же запретом «толковать о Пугачеве».

И, наконец, четвертый аспект. Он дан уже не в основном тексте, а в примечаниях. Это — рассказ жены Пугачева о прошлом ее мужа (стр. 107—108).

Пушкин мог, разумеется, свести все эти четыре версии в одну, критически проверенную. Он этого не сделал.

Это не ушло от внимания болгаринской литературной полиции. Рецензия В. Б. Броневского сбивается в этой своей части на донос. Укоряя автора в том, что он «не сличил показания жены Пугачева с его собственным показанием», указывая, «что свидетельство жены не могло быть верно» (стр. 383), рецензент «Сына отечества» стремился, в сущности, уличить Пушкина в нежелании расписаться под официозной версией о «воровском» прошлом Пугачева.

Донос имел под собой, — как видим, — твердую почву и заставил Пушкина ответить на него весьма простран-ным объяснением. Пришлось свести это объяснение к тому, что данные Пушкина «извлечены из официальных, неоспо-римых документов», а данные Броневского, якобы фольк-лорные, которыми тот пытался подкрепить разбойничью версию, заимствованы на самом деле из романа «Ложный Петр III».

Х

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пользуясь так широко свидетельствами и суждениями современников, достигая тем самым разностороннего освещения объектов исторической действительности, — Пушкин обогатил историческую прозу новым художественным приемом.

Читатель неприметно для себя вступает в мятущуюся революционную толпу. Он слышит вокруг себя целый хор ее взволнованных голосов. Пушкин, умело управляя этим хором, дает нам способ проникнуть, наперекор цензуре, в самые тайники революционного сознания широких народных масс. При посредстве цитат, то эмоционально сильных, то эмоционально слабых, Пушкин то отпускает, то нажимает педаль, то накаляет свое, идущее от души слово чьей-то жгучей интонацией, то, наоборот, замораживает вынужденное цензурой слово при помощи чьей-то вялой интонации и тем самым ослабляет его действие.

Мы говорили, что применение Пушкиным этого нового литературного приема было с его стороны проявлением отваги. Мы говорили также о кажущейся разнородности стиля «Истории Пугачева».

Называя человека отважным, мы констатируем, что он отдает себе отчет в угрожающей ему опасности.

В чем же заключалась опасность, угрожавшая Пушкину?

Обрывки чужой речи, врезанные в его речь, могли заглушить ее, навязать ей свои законы, нарушить ее ритм. Задуманное Пушкиным хоровое построение могло обратиться в разноголосицу.

Эту опасность Пушкин преодолел без особого труда. Здесь, как и в других областях его творчества, его не покинуло то чувство меры, которое составляет, — как мы знаем, — основную особенность его мастерства.

Каково бы ни было количество цитат в «Истории Пугачева», численный перевес остается не за ними. В тексте Пушкина они расположены лишь мелкими островами, которые нигде не разрастаются в материки.

Это давалось, однако, не само собой. До нас дошел чрезвычайно любопытный в этом отношении фрагмент черновика, где речь идет об осаде Яицкой крепости (стр. 406—409). Он изобилует цитатами из журнала Симонова и из статьи «Оборона крепости Яика от партии мятежников». Сличая этот черновик с соответствующими отрывками окончательного текста, легко установить, в каком направлении велась работа. Мы видим прежде всего, что сокращается объем цитат и притом довольно значительно.¹ Два эпизода (вылазка 9 февраля и смерть унтер-офицера Сапугольцова) выкидываются вовсе. А оставшееся дробится на две части, которые попадают не в одно место, как предполагалось сперва, а в две разные главы (стр. 36—37 и 45—46).

Это наглядно свидетельствует о том, что опасность, о какой мы говорили, сознавалась Пушкиным, и о том, что он ограждал себя от этой опасности.

Он ограждал себя от нее еще и переработкой цитат. Помимо той очистительной, так сказать, переработки,

¹ Примерно на одну треть: 109 строк черновика соответствуют 72 строкам печатного текста.

с которой мы уже знакомы (устранение архаизмов, диалектизмов и т. д.), была еще и другая, — направленная к тому, чтобы, сохраняя общий тон подлинника и даже усиливая его, удаляя все, нарушающее единство этого тона, подчинять чужую речь нормам своего стиля.

Вглядимся, например, как правил Пушкин таких авторов, как И. И. Дмитриев (прим. № 58) и А. А. Бибиков (прим. № 60).

Дмитриев пишет: «Все пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины...». Пушкин заменяет это двумя словами: «Низкая площадь».

У Дмитриева: «Усеян был людьми обоего пола и различного состояния». У Пушкина: «Усеян был людьми».

Дмитриев добавляет: «Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки...». Пушкин выбрасывает эту деталь, почувствовав в ней оттенок неуместной шутовливости (ведь речь идет о казни).

Бибиков говорит: «Во время придворного бала». Пушкин: «На придворном бале».

Бибиков: «С тем милостивым и ласковым видом, коим государи оказывают благоволение ближайшим их подданным...». Пушкин: «С прежней ласковой улыбкой...».

Бибиков: «Объявила ему, что желает употребить его к утушению опасного для отечества пожара». Пушкин: «Объявила ему новое его назначение».

Бибиков: «Александр Ильич одарен был особенною остротою ума, всегда готов дать смелый, но приятный ответ». Далее приводится самый ответ.

Пушкин сохраняет ответ, но выбрасывает бибиковское предисловие к нему, считая, что судить об остроте, смелости и приятности этого ответа должен читатель, а не автор.

Комментировать эти примеры нет надобности. Нормальный стиль деловой прозы Пушкина хорошо нам известен.

Мы видим, что из приведенных двух цитат выкинуто все чуждое этому стилю. Но сделано это так, что в рассказе Дмитриева сохранен его спокойный эпический тон, а рассказ Бибикина не утратил оттенка придворной слащавости.

Разнородность стиля, которую мы отмечали выше и которая обусловлена преимущественно обилием цитат, — эта разнородность обнаруживается только при внимательном изучении пушкинского текста. При беглом чтении, на которое он и рассчитан, она незаметна. Чужие слова, мастерски вправленные в речь Пушкина, звучат по-пушкински и, приобретая значительность и полновесность, какой не имели в подлиннике, нимало не нарушают общего впечатления цельности.

А в этом-то интонационном богатстве, создающем сложное чередование многих гармонических рядов, и заключается основная особенность пушкинского исторического слога, который так поразил новизною форм и так восхитил своим совершенством Белинского и Гоголя.

У нас было достаточно случаев убедиться в том, что применение Пушкиным новых приемов исторического изложения было не пустой формалистической прибавкой: оно обусловлено политической обстановкой, в которой писалась «История Пугачева»; оно оправдано научно-политическими задачами, которые ставил себе Пушкин.

Гениальный художник пришел на помощь историку, политику и патриоту. В своем подлинно несравненном историческом труде Пушкин предстал перед нами во всех этих четырех качествах, друг от друга не делимых.